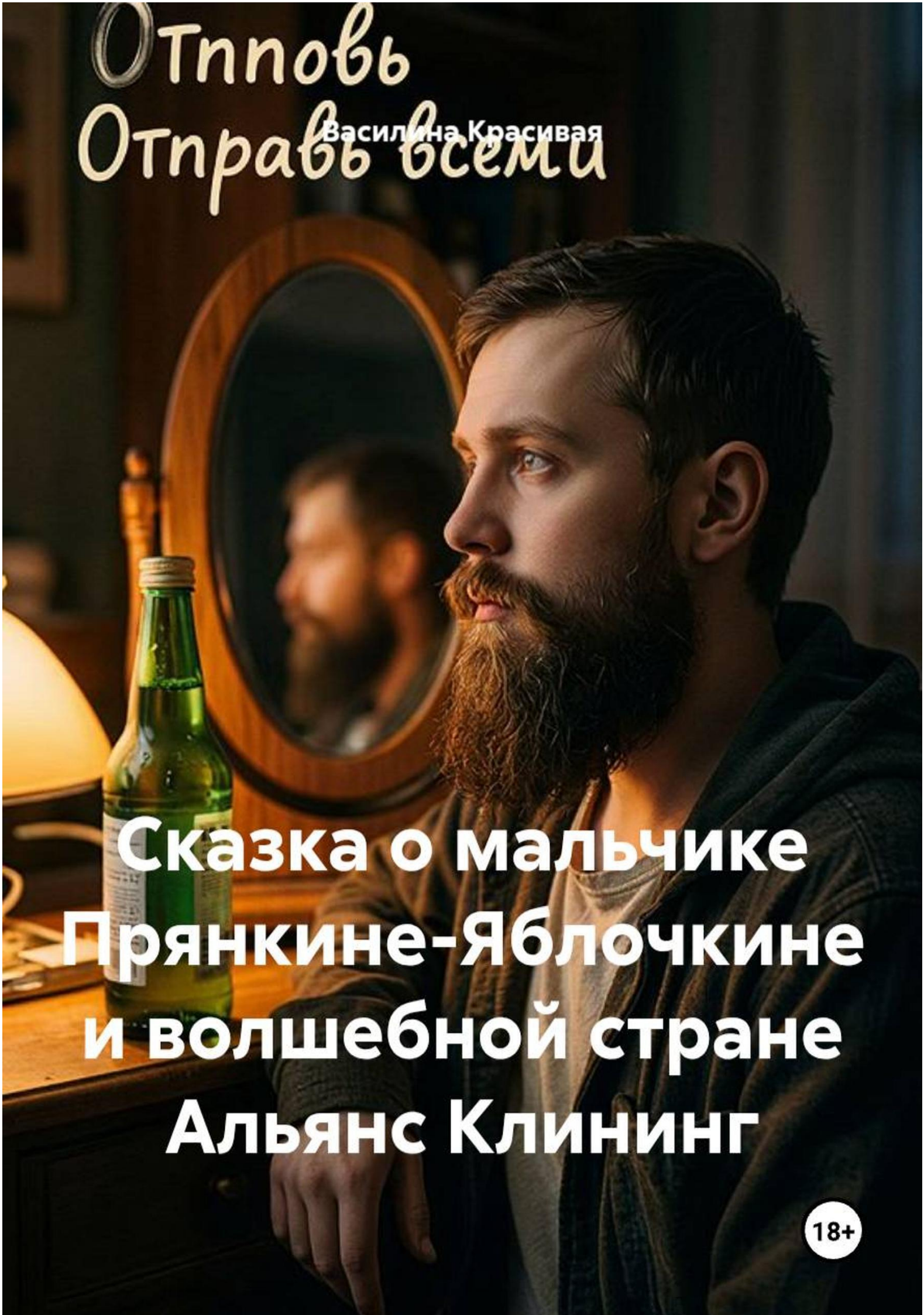

Отпусти
Отправь всем
Василина Красивая
Сказка о мальчике Прянкине-Яблочкине и волшебной стране Альянс Клининг
18+

Василина Красивая

Сказка о мальчике Прянкине-Яблочкине и волшебной стране Альянс Клининг

«Автор»
2026

Красивая В.

Сказка о мальчике Прянкине-Яблочкине и волшебной стране Альянс Клининг / В. Красивая — «Автор», 2026

Перед вами сказка — взрослая, смешная и оттого правдивая. В ней рассказывается о мальчике Прянкине-Яблочкине, у которого борода растёт быстрее зарплаты, а душа одинока, как губка для мытья полов, украденная со склада.Каждую полночь, под действием «вдохновения» (в народе — трёхлитровой бутыли), телефон героя превращается в говорящее зеркало и убеждает его: *«Отправь. Отправь всем. Они тебя любят»*. Так в чате страны ООО «Альянс Клининг» появляются шедевры ночной лирики — оды пылесосу Кеше, философские загадки про полы и окна и легендарный вопрос про милицию.Но у истории добрый финал:В сказке есть:- один мальчик с двойной фамилией и тройной судьбой;- один пылесос, победивший человека в честном конкурсе;- тридцать семь радостных людей, проверивших тихий чат;- и мораль, которую знают все, но которую герою пришлось вытерпеть на себе: после третьего «вдохновения» телефон — на верхнюю полку....Прочитать — обязательно. Переслать коллегам — только днём.

© Красивая В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Василина Красивая
Сказка о мальчике Прянкине-Яблочкине и волшебной стране Альянс Клининг

Глава 1

В некотором царстве, в некотором государстве — а точнее, в стране ООО «Альянс Клининг», где вместо гор жили стеллажи с химией, вместо рек текли графики уборки, а вместо туманов стелились запахи «Лимонная свежесть, 5 литров» — жил-был мальчик по имени Прянкин-Яблочкин.

Двойная фамилия — двойная судьба. Мальчик был взрослый, борода у него росла быстрее, чем зарплата, а душа осталась одинокой, как украденная со склада губка для мытья полов.

Вечерами, когда волшебная страна засыпала и в чатах воцарялось затишье, Яблочкин садился на своего верного коня — трёхлитровую бутыль с содержимым, которое департамент официально называл «технической жидкостью», а он ласково — «вдохновением».И вот тут начиналось колдовство.

В полночь телефон мальчика превращался в говорящее зеркало, а зеркало говорило: «Отправь. Отправь всем. Они тебя любят».Первое сообщение уходило мастеру: «Елена Адамовна, я вас очево вижу... вы очево моё солнце клининговое».

Второе — заведующему хозяйством: «А ты кто по жизни вообще??? Я вот ЯБЛОЧКИН. Первая половина фамилии — Прянкин. ПРЯНКИН. Специи. Глубина. Подумай об этом».

Третье — в общий чат: «коллеги, а если умыть пол средством для окон, а окна средством для полов, будет чо?»

К утру в стране Альянс Клининг наступала тьма — тридцать семь пропущенных сообщений, две гневные гласности от начальства и один смущённый голосовой, где Яблочкин нараспев читал оду пылесосу по имени Кеша.Мальчику было стыдно. Мальчик писал: «Всем привет. Вчера мой телефон, извините, сломался и сам писал сообщения. Ремонтирую». И в стране, где все уже давно были не наивными, никто не верил, но все делали вид, что верят — потому что были хорошими волшебниками.А беда мальчика была простая: был он одинок, как котёнок Гав из мультика. Тот ведь тоже искал друга, наступал в лужи, ссорился с Шариком и в итоге обретал товарища. И Яблочкин нёс в чат свою душу, но вместо друга получал плюсики от жалости и минус от начальства за разгоны.И вот однажды, в среду ночью, отправив сообщение «КТО НИБУДЬ ЗНАЕТ КОГДА У МИЛИЦИИ ОБЕД??» (он перепутал чат с отношениями к охране), Яблочкин заснул прямо на клавиатуре. А проснулся — и не поверил глазам: под одним из его идиотских сообщений стоял ответ. Короткий. Тёплый. От администрации, но всё равно тёплый:«Прянкин-Яблочкин, а ты кто по жизни вообще? Отвечай в гардеробной в 12:00».И мальчик понял: это либо выговор, либо судьба....На том пока и кончается первая глава сказки, а кто дослушает вторую — узнает, что было в гардеробной в полдень, почему у завхоза на столе появилась книга «Как полюбить шутника» и чем закончился спор Яблочкина с Кешой-пылесосом за титул «сотрудник месяца».Сказка, естественно, не сказка без морали: живи, Яблочкин, но после третьего «вдохновения» телефон — на верхнюю полку. К Кешу. (Продолжение следует, если в стране Альянс Клининг и дальше будут трудные будни и добрые волшебники.)

Глава 2

- Гардеробная судьбы - Книга завхоза - Великое противостояние Яблочкина и КешиГардеробная в стране Альянс Клининг — место таинственное. Там пахло резиновыми сапогами,

сушащимися дольше, чем живёт надежда, и на крючках висели судьбы — по номерку.В двенадцать ноль ноль мальчик Прянкин-Яблочкин вошёл туда, как входят на эшафот: гордо, шатаясь внутренне и уже сочиняя в голове оправдание про сломанный телефон, севшую батарею, вспышки солнца и магнитные бури.А там его ждал завхоз Степаныч. Молча. С чашкой. С одним коллапсом терпения на дне.— Ты кто по жизни вообще? — спросил Степаныч, и эхо гардеробной унесло этот вопрос куда-то в вечность.— Прянкин, — честно ответил мальчик. — Прянкин-Яблочкин. Первая половина фамилии — специи. Вторая — фрукты. Я, можно сказать, витаминный человек.— А по ночам ты кто?— По ночам я соловей, — не моргнув, сказал Яблочкин. — Соловей-бунтарь.И тут случилось невозможное. Степаныч достал из-под вороха курток книгу. Толстую. С обложкой «Как полюбить шутника» — купленной явно в первый попавшийся момент отчаяния.— Я читал, — сказал завхоз со значением. — Тут пишут: за каждым неадекватом прячется человек, которому не хватает внимания.— Врёт книга ваша, — сказал Яблочкин, и голос у него дрогнул.— Не врёт, — сказал Степаныч. — Поэтому слушай, что я тебе предлагаю, мальчик. Суббота. Общий чат. Пишешь — что хочешь. Но с девяти до пяти. Днём. Явно. При свете солнца, а не в полночь, как нечистая сила.И мальчик понял, что его только что приняли. Не выговором — доверием.А теперь про Кешу.Пылесос Кеша был в стране лицом, брендом и легендой. На него вешали грамоту «Лучший работник» — потому что работал он бесшумно, не пил «вдохновение» и не слал ночных смс. Яблочкин решил вернуть себе титул.В субботу, в трезвости небывалой, он выкатил в обеденный перерыв табличку «Конкурс: я против Кеши. Голосуем!» — и вся страна стала голосовать. Пылесос, разумеется, победил: за него проголосовали все, включая уборщицу тётю Зину, которая сказала пророческое: *«Кеша хотя бы после работы сам себя выключает»*.Яблочкин смирился, повесил Кеше грамоту и сказал с одухотворённостью:— Не всем быть первыми, Кеша. Кому-то надо быть вторым. Но вторым — с душой.И тётя Зина вдруг расхохоталась так, что уронила ведро. И Степаныч фыркнул. И вот тут, на ведре и фырканье, родилась у мальчика дружба — настоящая, дневная, трезвая, с обеденным перерывом и разговорами не по делу.Вечером Яблочкин написал в чат:*«Коллеги. Прошу прощения за все ночные оды, загадки про милицию и философские вопросы про полы и окна. Телефон я вылечил. Точнее — вылечил я. Мальчик внутри меня больше не полонит чат. Честь имею»*.И в стране Альянс Клининг, где пахло лимонной свежестью, наступила первая за долгие месяцы тихая ночь. Ни одного сообщения до утра. Тридцать семь человек сначала не поверили, потом проверили, потом порадовались.А Кеша в углу тихо гудел — так, как гудят довольные пылесосы и счастливые сказки.Глава 3 (короткая, на закуску)Не пропало бы всё, да опять заработало.Однажды зимой случилась в стране беда: федеральный заказ,inspection с утра, снег, грязь и начальство врersonae. Напряжение выросло, и ночью телефон Яблочкина снова стал тёплым на ощупь.*«коллеги, а если тщательно убраться ДО проверки, но не убирать ПОСЛЕ, то проверка наступит, а чистоты не будет? обсудим?»*В 00:47. Всем тридцати семи.Тётя Зина ответила первой: *«Спи, Прянкин. Утром обсудим. Днём, как договаривались»*.И он уснул. Потому что теперь у него была страна, которая умела ждать до утра.*(А сказка про то, как Яблочкин впервые стал сотрудником месяца — правда, надо было вытереть ноги, — ждёт своего часа.)*

Глава2-я....Гардеробная судьбы, книга завхоза и великое противостояние Яблочкина и Кеши....Гардеробная в стране Альянс Клининг — место таинственное.

Там пахло резиновыми сапогами, сушащимися дольше, чем живёт надежда, и на крючках висели судьбы — по номерку.

В двенадцать ноль ноль мальчик Прянкин-Яблочкин вошёл туда, как входят на эшафот: гордо, шатаясь внутренне и уже сочиняя в голове оправдание про сломанный телефон, севшую батарею, вспышки солнца и магнитные бури.

А там его ждал завхоз Степаныч. Молча. С чашкой. С одним коллапсом терпения на дне.
— Ты кто по жизни вообще? — спросил Степаныч, и эхо гардеробной унесло этот вопрос куда-

то в вечность.— Прянкин, — честно ответил мальчик. — Прянкин-Яблочкин. Первая половина фамилии — специи. Вторая — фрукты. Я, можно сказать, витаминный человек.— А по ночам ты кто?— По ночам я соловей, — не моргнув, сказал Яблочкин. — Соловей-бунтарь.И тут случилось невозможное. Степаныч достал из-под вороха курток книгу. Толстую. С обложкой «Как полюбить шутника» — купленной явно в первый попавшийся момент отчаяния.— Я читал, — сказал завхоз со значением. — Тут пишут: за каждым неадекватом прячется человек, которому не хватает внимания.— Врёт книга ваша, — сказал Яблочкин, и голос у него дрогнул.— Не врёт, — сказал Степаныч. — Поэтому слушай, что я тебе предлагаю, мальчик. Суббота. Общий чат. Пишешь — что хочешь. Но с девяти до пяти. Днём. Явно. При свете солнца, а не в полночь, как нечистая сила.И мальчик понял, что его только что приняли. Не выговором — доверием.А теперь про Кешу:Пылесос Кеша был в стране лицом, брендом и легендой. На него вешали грамоту «Лучший работник» — потому что работал он бесшумно, не пил «вдохновение» и не слал ночных смс. Яблочкин решил вернуть себе титул.

В субботу, в трезвости небывалой, он выкатил в обеденный перерыв табличку «Конкурс: я против Кеши. Голосуем!» — и вся страна стала голосовать. Пылесос, разумеется, победил: за него проголосовали все, включая уборщицу тётю Зину, которая сказала пророческое: «Кеша хотя бы после работы сам себя выключает».

Яблочкин смирился, повесил Кеше грамоту и сказал с одухотворённостью:— Не всем быть первыми, Кеша. Кому-то надо быть вторым. Но вторым — с душой.И тётя Зина вдруг расхохоталась так, что уронила ведро. И Степаныч фыркнул. И вот тут, на ведре и фырканье, родилась у мальчика дружба — настоящая, дневная, трезвая, с обеденным перерывом и разговорами не по делу.Вечером Яблочкин написал в чат:«Коллеги. Прошу прощения за все ночные оды, загадки про милицию и философские вопросы про полы и окна. Телефон я вылечил. Точнее — вылечил я. Мальчик внутри меня больше не полонит чат. Честь имею».И в стране Альянс Клининг, где пахло лимонной свежестью, наступила первая за долгие месяцы тихая ночь. Ни одного сообщения до утра. Тридцать семь человек сначала не поверили, потом проверили, потом порадовались.А Кеша в углу тихо гудел — так, как гудят довольные пылесосы и счастливые сказки.Глава 3-я (короткая, на закуску)Не пропало бы всё, да опять заработало.Однажды зимой случилась в стране беда: федеральный заказ, инспекция с утра, снег, грязь и начальство bpersonae. Напряжение выросло, и ночью телефон Яблочкина снова стал тёплым на ощупь.«коллеги, а если тщательно убраться ДО проверки, но не убирать ПОСЛЕ, то проверка наступит, а чистоты не будет? обсудим?»В 00:47.

В семь тридцать семь.Тётя Зина ответила первой: «Спи, Прянкин. Утром обсудим. Днём, как договаривались».И он уснул. Потому что теперь у него была страна, которая умела ждать до утра.(А сказка про то, как Яблочкин впервые стал сотрудником месяца — правда, надо было вытереть ноги, — ждёт своего часа.)

Глава 4-я

Знакомьтесь с ещё одним персонажем сказки: Гаврила Храподубов.Кто в стране Альянс Клининг не видел Гаврилу, тот, считайте, в страну не попадал. Потому что Гаврилу видно издалека — как маяк. Два метра семнадцать сантиметров, и всё — сплошные плечи и добрая душа.Имя ему подобрали точно, как ведро под капель: **Гаврила Храподубов**.*Дуб* — потому что пилит деревья, как другие — бутерброды: неспешно, основательно и с чувством.*Храп* — потому что... но об этом позже. Хотя нет, об этом сейчас.Когда Гаврила спал, в стране становилось страшно. Храп его начинался тихо, с приличного такта, а потом набирал силу, как «Болеро» Равель, только с дровами. Стёкла в бытовке дрожали, Кеша-пылесос вежливо выключался сам, чтобы не мешать, а тётя Зина говорила с умным видом: *«Это не храп. Это его душа поёт. Арии»*.Однажды храп был такой, что соседний офис вызвал МЧС: подумали, что завалило склад. Приехали, спасатели, посмотрели на спящего Гаврилу и уехали, попросив больше так не делать.Работал Гаврила за двоих, а то и за троих, потому что за одного

у него просто руки не помещались в кадр. Зимой, когда вся страна тонула в наледи, он выходил с топором на лёд — и это было зрелище. Гигант в телогрейке рубил лёд до асфальта, как былинный богатырь, только вместо змея-горыныча — сосульки размером со шкаф, а вместо коня — лом.— Гаврила, не тяжело? — спрашивал Яблочкин.— Сердцу лёд не помеха, — отвечал богатырь. — Помеха — обед без чокопая.Ах да. Еда.Любовь Гаврилы была велика и чиста, как его храп. **Чокопай** он поедал галлонами, а **песочные колечки с орехами** — гроздьями. В ящике его стола обнаружили стратегический запас, который по нормам обеспечивал бы малую деревню на зиму. Степаныч заглянул, посчитал и сказал: *«Это не запасы. Это фонд непроеденного счастья»*.Как-то раз Яблочкин ночью — уже, правда, легально, в договорённые часы — написал в чат:*«коллеги, вопрос: если Гаврила съест все колечки, а лёд при этом не порубит, что наступит раньше — зима или его сердце? обсуждаем»*.Ответил сам Гаврила. С одного слова. Но такого, что чат замирал:*«Сердце»*.И все поняли: это была не шутка. Это была поэзия. Гаврила Храподубов говорил редко, но как в сердцах лежалое — никогда не таяло.Кеша с тех пор получил конкурента в народном голосовании «сотрудник месяца»: народ голосовал за Гаврилу, потому что того было видно из космоса. Но Гаврила победившую грамоту отдал Кеше:— Ты беззвучно трудился, брат. А я всю страну будил.И с той поры в стране Альянс Клининг жила особая примета: если дрожат стены, дрожит Кеша и дрожат колечки с орехами в ящике — значит, в бытовке поёт душа богатыря.А если богатырь проснулся и тянулся к чокопаю — значит, скоро зазвенит топор, лёд отступит, а асфальт снова увидит солнце.*(Продолжение следует: в следующей сказке тётя Зина раскроет тайну своего ведра, а Яблочкин впервые в жизни отправит сообщение не ночью — и перепугает всю страну.)*

Глава 6-я

О друзьях-неразлучниках Миколыче и Дяде Вове, их топливе и запретной любви ВолодькиноЙНа третьем здании сказочного королевства — а здание называлось гордо, почти как сама страна: «Заря» — жили два души-человека. По отдельности они существовали редко, как ложка и кружка: вроде бы разные предметы, а комплект.Первого звали Миколыч. Ворчал он по любому поводу и без — на снег, на лёд, на зарплату, на погоду, на молодежь и на то, что «раньше и лёд был твёрже». Но вот чудо: ворча, он делал. Всё делал, что положено, и даже то, что не положено. Ворчание у него шло в комплекте с работой, как шуршание — с пакетом.Второго звали Дядя Вова. Человек-отвертка: пока Миколыч ворчал, Вова подкручивал настроение всем вокруг.А топливом у обоих было винцо «Южный Бархат» в коробочке. Коробочка имела при себе целую философию: с одной стороны — «столовое», с другой — «южное», а по факту — с третьей стороны жизни. Миколыч говорил: «Это не вино. Это керосин для души. Залил — и поехали».Пока коробочки были в норме, на «Заре» царил порядок. Но иногда teammates перебирали — и тогда наступал трёхдневный запой-загул, объявлявшийся в стране стихийным бедствием. Миколыч пропадал, Вова пропадал, и жена Миколыча — а в стране её звали миколычева-невидимка, потому что появлялась она только в момент разысканий — отправлялась по всему сказочному городу с вопросом, от которого дрожали все ларьки: — Миколыча не видали? С Вовой?— Не видали, — честно отвечали ларьки, которые видали.Нашедшего Миколыча она препровождала домой скорым магистральным методом — и с тех пор считалось, что в королевстве есть только один человек, перед которым Миколыч ворчать боится.А в стране, конечно же, был свой энтузиаст — мальчик Прянкин-Яблочкин. Он всеми силами души стремился попасть в компанию к неразлучникам. Не с трезвыми целями, а с чисто человеческой: рядом с ними было весело, а Яблочкин всегда был за веселье. Но его туда не пускали. Вова — категорично.— Да пошёл ты, Прянкин-Яблочкин... — говорил Вова с чувством, которое в трезвые дни переворачивалось бы в извинение, но в коровьи-вечера не переворачивалось никогда.— А мне хоть бы посидеть с вами, душевно... — вздыхал Яблочкин.— Душевно у нас по записи, — отвечал Миколыч, ворча. — А тебя в очередь не ставили.И вот тут открывалась последняя тайна. У Дяди Вовы, у человека-отвёртки с вечно насуплен-

ным лицом, была старая любовь. Звали её — и звали по-домашнему, нежно — Верусенька. Дама она была легендарная: от неё исходило такое «бархатное» сияние, что возле неё стоять было опасно, как возле открытой коробочки, — потянет, и понесло по всем южным ветрам.— Вова, ну что ты в неё смотришь! — ужасалась бригада. — Брось!— Не могу, — вздыхал Вова трагично. — Это не любовь. Это диагноз с историей.И с этих пор в стране Альянс Клининг открылся национальный вид спорта — троллинг Володькиной любви. Троллили все: и Степаныч в гардеробной, и тётя Зина с пророческим ведром, и даже Кеша, по легенде, гудел в тоне, похожем на «Ве-ру-сень-ка».«Вова, а Верусенька на «Заре» или уже на «Закате»?»«Вова, а если Миколыч вернётся раньше, чем ты забудешь Верусеньку — что с кем поздравлять?»Вова ворчал, Миколыч ворчал в поддержку, коробочки шуршали, и тридцать семь человек в чате жили полной жизнью.Однажды, уже в дневные легальные часы, Яблочкин написал в чат:«коллеги, философский вопрос: если у Миколыча топливо в коробочке, а у Вовы — Верусенька, то у кого из них двигатель надёжнее? И можно ли мне, Прянкину-Яблочкину, на это топливо просто посмотреть, а то "да пошёл ты" — как-то неконкретно. Обсуждаем».Ответил Вова. Одной строкой, как и положено:«Да пошёл ты, Прянкин-Яблочкин... Но в субботу заходи. Кешу прихвати».И в стране Альянс Клининг случилось невиданное: Яблочкин получил приглашение. Кеша — морально поддержать. Миколыч — проворчать за всех. А Василиса Микулична — на всякий случай предупредить: «После третьей коробочки — расход, мальчики».

И всё кончилось хорошо: миколычева-невидимка нашла своё хозяйство в срок, Верусенька осталась легендой, а Яблочкин — с новым опытом: оказывается, «да пошёл ты» в некоторых королевствах означает «будем рады».(Продолжение следует: в следующей сказке Миколыч и Вова представят страну на смотре-конкурсе «Заря-нас Побеждает», а Кузя скажет своё знаменитое «потом» в самый неподходящий момент — и именно этим всё спасёт.)

Глава 6-я

О промысле, забытых вещах и асфальте, который Гаврила приберегает на понедельник-Бывает в сказках такое место, на котором застревают сюжеты. В стране Альянс Клининг таким местом была кладовка, а в кладовке — вещи мальчика Прянкина-Яблочкина. Давно валялись. Скучно валялись. Даже пыль на них уже выстраивалась в очередь по старшинству.Охранять эти вещи уже никто не хотел. Даже Кеша, тот терпеливый, — и тот поворачивался к кладовке задней панелью, что для пылесоса поступок принципиальный.— Отдайте их Барону в будку! — предлагала страна. Барон был сторожем с душой капитана и взглядом человека, которому уже всё виделось, и вещи чужие в том числе.Но Гаврила Храподубов — большой, а сердцем больше — всё берёг. Ходил мимо кладовки, поглядывал на Яблочкины вещи и говорил:— Не отдам я их Барону. Барон в будке чай пьёт, а вещи человека — это вещи человека. Пусть только заберёт.И Яблочкин забирать обещал. Торжественно. Обещал сегодня. Говорил красиво, почти как в своих ночных смс, только вслух и с указанием времени:— Гаврила! Жди! Приеду! Часа в три! Погладь дорогу, я по ней поеду!Гаврила поверил. Богатыри вообще доверчивы, потому что свои поступки сверяют с сердцем, а не с опытом.Дальше сказка могла бы пойти по-доброму. Но сказка эта — про мальчика, а мальчик был из рода «ещё чуть-чуть и точно поеду». Прянкин-Яблочкин с утра принял горячительного — «совсем чуть-чуть, для суставов», как он формулировал, — а потом ещё «чуть-чуть, для настроения», и суставы с настроением, соединившись, укатили его спать до весны.Часа в три Яблочкина на дороге не было.Часа в четыре не было тоже.А в пять у бытовки на «Заре» стоял Гаврила — весь два метра семнадцать, и оба метра были у него в режиме «заряжен». Тётя Зина, завидев его издалека, ускорила шаг втрое и сделала вид, что ведро у неё полное.— Тишина на участке, — прошептал Кузя. — Даже Кеша молчит.— Кеша всегда молчит, — сказал Миколыч.— Сейчас он молчит испуганно, — уточнил Кузя и полез за колечками, чтобы потом раздавать их в качестве гуманитарной помощи пострадавшим.Гаврила не кричал. Он был не из кричащих. Он сказал в чат одну фразу, и от неё у тридцати семи человек поседели чаты:«Прянкин-Яблочкин. Понедельник. Асфальт. Время

уточню».Чат замер. Вова написал «да пошёл ты... но я бы на твоём месте в понедельник стоял на асфальте заранее», Миколыч проворчал «поздно стоять, надо лежать готовиться», а Василиса Микулична поставила точку — как всегда, коротко и по-королевски:«Гаврила, асфальт — это работа Яблочкина, а не твоя. А тебя я жду дома. Живым и с чокопаем».И богатырь, который топором разговаривал со льдом, сдался сразу. Потому что против льда у него топор, а против Василисы Микулишны у него ничего нет — и, по его признанию, никогда не будет.А Яблочкин проснулся вечером, глянул в телефон и состарился на три года за секунду. Тридцать семь сообщений. Одно из них — от Барона: «Могу принять вещи в будку. Обещаю охранять, как родных. Чай с Гаврилы за это».И мальчик стал сочинять ответ. Долгий. Художественный. С травмой телефона, магнитными бурями и совестью, которая сама не едет.Но потом стёр и написал просто:«Гаврила. Виноват. В понедельник — вещи и я. В правильной последовательности: сначала вещи, потом я. Прянкин-Яблочкин».И Гаврила ответил так, как отвечают настоящие богатыри:«Жду. Асфальт пока никому не отдам».Вот такая теперь в стране примета: если Гаврила говорит «понедельник» и поглядывает на асфальт — значит, у кого-то в стране не очень исполнено обещание. А если Василиса Микулична сказала «домой, с чокопаем» — значит, всё кончится хорошо.Даже лучше, чем мальчик заслуживает. Но сказки на то и сказки. (Продолжение следует: в понедельник Яблочкин приедет — правда, туда ли приедет, вот в чём интрига. А Барон уже расстелил в будке красную дорожку из мешковины.)

Глава 7-я

О здании КУ-2, множественных именах Василисы Микулишны, колечках от Кузи Властелина и великом запароливании телефона

Если в сказочном королевстве есть здание «Маяк» — главное, о котором Яблочкин думал, что там вся его судьба, — то есть и здание «КУ-2». И судьба Яблочкина, как выяснилось, имела филиалы.

Вот кто трудился на КУ-2 — то есть в месте, где пересекались все королевские сюжеты.

Первое лицо — вы его знаете. Василиса Микулична. Но на КУ-2 её имя проживало сразу во множестве вариантов, потому что для разных людей она была разной — и всем нужной:

одни звали её красоткой — за то, что видели в первую очередь;

другие — просто нормальным человеком — за то, что с ней можно было говорить о ремонте без страха;

третьи — певицей — за голос, от которого ведро тётя Зины откладывала в сторону.

четвёртые — солнышко моё любимое — и это был уже почти официальный титул;

пятые — классная стерва — и произносили это с такой любовью, что стерва звучала как звание героя;

а шестые, самые поэтичные, — ведьма в хорошем смысле: та, что знает всё, чинит всё и приходит вовремя.

И все эти шесть человек были правы одновременно. Василиса Микулична совмещала в себе всё королевство разом — потому и рявкивала по делу так, что слушались даже топоры.

Второе лицо — тоже знакомое. Кузя. Хотя и тут имён хватало: одни звали его Кузей, другие Будённым — за усы и историческую основательность, а третьи — просто мой напарник. И вот кто это «третьи» — рассказываю, потому что это сплетня государственная, а точнее — напарницкая.

Третье лицо — Хульчитай Юльчитай. Будем называть её просто Юльчик.Работница с огоньком и с историей. История заключалась в том, что Хульчитай Юльчитай и Кузю в бригаде давно записали в семейные отношения. И не просто записали — а с подробностями: «Кузька — это её солнышко моё», говаривали за спинами. Правда, у Юльчика имелся законный муж, который по всей вероятности не одобрил бы это королевское фольклористическое творчество. Вряд ли. Однозначно вряд ли.

И вот однажды гроза грянула.

Муж спалил переписку в телефоне Юльчика с Кузькой. А в переписке, среди деловых сообщений о мешках и лопатах, светилось ласковое: «Солнышко моё».

Муж «солнышко моё», как выяснилось, пережил. Человек широкий. Но в той же переписке обнаружилось нечто, что пережить было сложнее: фото Кузи в новых трусах. Кузя, надо сказать, прислал его сам, без запроса, по доброте душевной — показать обновку, как показывают обновки лучшим друзьям. Юльчик, по доброте душевной, не удалила.

Королевство замерло.

— Муж не пережил бы, — сказал Миколыч, ворча авторитетно. — Никто не пережил бы. Я бы не пережил. А я ворчал всю жизнь, у меня стрессоустойчивость как у брони.

— Трусы, между прочим, были хорошие, — дипломатично заметил Дядя Вова. — Новые.

— Усы тоже новые? — уточнил Санчо Панчо.

И тогда вся бригада, сплотившись, как перед стихийным бедствием, встала на защиту Юльчика. А защита была одна: ВЕЛИКОЕ ЗАПОРОЛИВАНИЕ ТЕЛЕФОНА. Собрался консилиум — Яблочкин как технический поэт, Макс как быстроходный исполнитель, Граф как человек, знающий про секретность всё (банки же!), и Санчо Панчо как офицер с тридцатилетним опытом сокрытия сведений.

Телефон Юльчика запароливали так, что он потом открывался только с трёх попыток и ласкового слова. Пароль меняли дважды. Фотографии ушли в глубину хранилища — туда, где живут снимки с корпоративов и скриншоты, за которые стыдно всем сразу.

— Теперь не паримся, — сказала Юльчик с облегчением.

— Теперь паримся только когда забываем пароль, — уточнил Яблочкин. — Это по-нашему.

А Кузя на всём этом разбирательстве присутствовал со своей коронной фразой:

— Потом.

— Что «потом»?!

— Объяснюсь потом, — сказал Кузя спокойно. — Сначала мужа угощу. У меня колечки есть.

И — о чудо — объяснялся. Муж, попробовав колечко, махнул рукой, сказал: «Пусть только на работу в этих трусах не приходит» — и королевство выдохнуло. Дело закрыли. Трусы отправили в архив. Семейные отношения Юльчика и Кузи остались легендой, а настоящие отношения Кузи с Юльчиком перешли в категорию «напарники и колечки», что и требовалось.

С этих пор на КУ-2 работал и Прянкин-Яблочкин. У него там появился собственный участок — не только на главном здании «Маяк», как он раньше думал. Яблочкин встретил это новость торжественно:— Значит, я человек с пропиской в двух зданиях. Как у Графа вино — в двух банках сразу.— В банках у Графа одна ягода, — заметил Миколыч. — А у тебя — два места для оплеух. Радуйся.И первым делом на новом месте Яблочкин спросил в чате:«коллеги, философский вопрос: если я работаю и на Маяке, и на КУ-2, то где я живу по-настоящему? И почему у Кузи трусы новые, а у меня даже участок старый? Обсуждаем».Ответила Василиса Микулична— и у неё для этого нашлось аж шесть имён:«Тот, кто вовремя приезжает, живёт везде. Обсуждение окончено».И КУ-2 зажил своей жизнью: Василиса Микулична командовала, Кузя носил колечки, Юльчик хранила пароли, а Яблочкин осваивал второй участок и осчастливливал чат уже в двух зданиях сразу.Королевство росло. Сказка — тоже.(Продолжение следует: из командировки в Стрелковое королевство не возвращаются ни Граф, ни Яблочкин — и на «Северной» Макс впервые в жизни волнуется не за банки... а потому что банки начали с ним разговаривать.)

Глава 8-яО верном страже Санчо Панче, который сам не ожидал такой судьбыВ сказках почти всегда кто-то кого-то приводит — а потом жалеет. Так было и в стране Альянс Клининг.Однажды мальчик Прянкин-Яблочкин, у которого талант находить знакомых был сильнее таланта приезжать вовремя, привёл на работу... пенсионера. Но не простого пенсионера, а

офицера в отставке МВД. Выправка — как штык, взгляд — как устав, а тихая грусть в глазах появилась позже, когда он узнал, во что ввязался.Звали его в стране **Санчо Панчо** — не по фамилии, конечно, а по званию. Фамилию зашифровала сама сказка, но звание — Санчо Панчо — прилипло мгновенно и намертво, потому что в королевстве клички работают быстрее паспортов.Поначалу Яблочкин был счастлив. Он думал: *«Вот он — друг! Хороший человек! Офицер! Он будет поддерживать меня в коллективе, моё странное поведение и мои ночные оды!»*Яблочкин ошибся. Сильно ошибся. Так ошибиться мог только мальчик, который верит людям на слово, а не по выслуге лет.Санчо Панчо оказался не другом странных выходок, а их **личным бедствием**. Куда бы ни выкинул Яблочкин очередную хитрость — на собрании, в чате, на «Заре» — Санчо Панчо стоял рядом и загорал. Загорал от стыда за обоих. Загорал так основательно, что тётя Зина предлагала ему крем от загара — и это был не шутки ради, а по-человечески.— Яблочкин, — говорил Санчо Панчо устало, как человек, у которого за плечами вся служба и все выговоры страны. — Я тридцать лет следил за порядком. Я думал, на пенсии буду следить за рыбалкой. А я слежу за тобой.И вот однажды терпение стража лопнуло. Не до драки — до палки. В сказках палка — это ещё по-доброму, это ещё воспитание, а не статья. Санчо Панчо хватал её трижды: один раз за «философский вопрос про полы и окна», второй раз за оду пылесосу Кеше, а третий раз — за сообщение, о котором вся страна до сих пор поминает тихим голосом.Но самое интересное ждало дальше.В стране Альянс Клининг есть здание всех зданий — легендарное, о котором говорят шёпотом и с уважением: **здание КУ-1**. Что там и как — знает не всякая сказка, но известно главное: доверяют КУ-1 только лучшим. И начальство распорядилось: направить туда Гаврилу Храподубова.А в напарники к нему — кого? Конечно, Санчо Панчо.И тут случилось чудо, на которое не надеялся никто, включая самого Санчо Панчо. Офицер в отставке встал рядом с богатырём — и обнаружил, что это его место. Он и сам не заметил, как стал **верным помощником Гаврилы**: и карту прочтёт, и бумажку заполнит, и лишний взгляд бросит, и ворчание Миколыча переведёт на человеческий язык.Гаврила ценил его сразу и навсегда. Так, как ценят настоящие богатыри: немногословно, но крепко. Говорил он об этом редко — зато как:— **Мой верный страж Санчо Панчо**.И всё. Два слова — а в них вся карьера, вся выслуга и всё уважение, которых не хватало на стороне Яблочкина.Яблочкин, разумеется, обиделся.— Я тебя привёл! — говорил он. — Я твой спонсор судьбы!— Ты мой спонсор седины, — отвечал Санчо Панчо. — А судьбу мне подобрал Гаврила. Иди чат свой полони, поэт ночной.Но сказка есть сказка: обида у Яблочкина жила ровно до вечера, а к полуночи он уже писал в чат:*«коллеги, философский вопрос: если я привёл офицера, а офицер стал верным стражем Гаврилы, то кто я теперь? основатель династии? И почему у Гаврилы напарник, а у меня только пылесос Кеша? Обсуждаем»*Ответила Василиса Микулична Коротко, по-королевски:*«Ты — наша беда. Этого достаточно. А Кеша — не только пылесос. Кеша — легенда.И Яблочкин успокоился. А Санчо Панчо в этот день заступил на КУ-1 вместе с Гаврилой, и лёд, и снег, и всё сказочное хозяйство содрогнулись: впервые за долгие годы богатырь шёл в бой не один, а с оруженосцем, у которого за плечами тридцать лет службы и три неосуществлённых попытки достать палкой мальчика-поэта.

С той поры в стране примета: если по территории проходит двойная тень — одна огромная, другая офицерская, значит, на КУ-1 всё спокойно. Гаврила рубит, Санчо Панчо сторожит, и страна спит.Спит тихо. Потому что даже храп Гаврилы рядом с офицерской выправкой звучит как отбойный горн, а не как стихийное бедствие.*(Продолжение следует: в понедельник Яблочкин всё-таки приедет с вещами — и Санчо Панчо будет стоять рядом с асфальтом с той самой палкой. Дружески. Наверное.)* #

Глава9-яО Графе Мартынове, его засекреченном помощнике и командировке в королевство СтрелковоеНа другом краю сказочной страны Альянс Клининг стояло здание «Северная» — и живущие там называли себя гордо и коротко: Северяне. Дышали они северным ветром,

ели северный холодец и относились к остальной стране так, как относятся все северяне к югу: с лёгким снисхождением.Среди Северян жил Граф Мартынов. Никто уже не помнил, где он приобрёл графский титул, но все знали причину: делал Граф настойки и домашнее вино, от которых замирали вкусовые рецепторы и оживать начинали самые молчаливые сотрудники. Настойки у него были из всего, что растёт, а короной винодельческого двора считались ранетка и виноград. Ранетка — ягода кислая, суровая, северная — и вино из неё выходило соответствующее: с характером, с принципами и с долгим послевкусием длиной в неделю.Делал Граф эти напитки не литрами и не бутылками, а очень большими количествами — бочки, канистры, пятилитровые банки в рядах, как в музее боевой славы. И заботился о них так, что некоторые сотрудники подозревали Графа в том, что жёны у него — вторые, а напитки — первые.Причём забота его была не просто хозяйская. Граф разговаривал с вином, пока оно бродило.— Ну как ты там? — склонялся он над банкой в обеденный перерыв. — Бродишь? Не спеши. Хорошее дело брожения спешки не любит. Я в тебя верю.И по его словам, вино ему отвечало. Пузырьками. Тётя Зина говорила: «Пузырьки — это да. Только отвечает не вино, а ответная реакция Графа». Но Граф не слушал. У него с ранеткой была связь духовная.А теперь — о засекреченном.При Графе состоял верный помощник. Имя его сказка засекретила на уровне гостайны, но опишем так, что каждый, кто работает в стране, узнает его с первой строчки: молодой, лёгкий, вечно с быстрой походкой, руки у него работают сами быстрее голов, глаз — ещё быстрее рук, а рот — быстрее глаз. Если в стране что-то куда-то надо дотащить, доехать, догнать, донести и всё это сделать в три раза раньше срока — зовут его. А зовут его все — по имени, короткому, и на этой кличке держится половина оперативных задач Северной.Звали его, разумеется, Макс. Но сказка передаёт официально: это псевдоним. Настоящее имя знает только Граф — да и то, потому что Граф, кажется, помнит всё на свете, кроме собственных пределов в потреблении настоек.Так вот, судьба у Макса была горькая. При Графе он не работал. При Графе он охранял. Граф всё у него отбирал: и инструмент, и стремянку, и тележку, и даже шанс что-то сделать самому.— Не трогай! — говорил Граф любому предмету, к которому Макс тянулся. — Это под настойки. Это для вина. Это я бережно поставил. Поставил — значит, судьба.И Макс тоскливо смотрел, как страна живёт, а он — караулит банки.Но вот грянули перемены.Начальство двух королевств сговорилось, и отправили в командировку в соседнее королевство — Стрелковое двух послов: Прянкина-Яблочкина и Графа Мартынова.Яблочкин был счастлив. По-настоящему, глубоко, до слёз счастлив. Он подумал — а в этих мыслях его, конечно, поддержал никто, но он и не нуждался в поддержке, — что командировка означает золотые монеты к зарплате. Премию. Надбавку. Командировочные в звонкой валюте счастья.— Золотые монеты, — шептал он в ночи, лёжа и глядя в потолок. — Впервые в жизни — не оплеуха, а монеты.Опыт подсказывал другое. Опыт говорил: «Яблочкин, за твою командировку платят обычно только оплеухами». Но Яблочкин был оптимист, а оптимист отличается от пессимиста тем, что продолжает верить в монеты даже после четвёртой оплеухи подряд.А Макс узнал про командировку Графа и засиял так, что Северная осветилась без люстр.— Значит так, — сказал Макс, потирая руки. — Граф уезжает. Значит... — он осёкся, убедился, что банки не слышат, и договорил тихо, но с чувством: — Работать буду. Я! Один! Всё! Сам!

Граф, уходя, оставил Максу инструкцию на четырнадцати листах, из которых одиннадцать страниц занимали правила обращения с банками. Ключевые пункты гласили: не переставлять, не трясти, не подходить с мыслями «переставлю», не смотреть пристально (банки чувствуют взгляд), и в крайнем случае — говорить с ними ласково.— Ласково? — переспросил Макс.— Ласково, — подтвердил Граф. — Они на грубость перестают бродить. У них деликатная организация.И уехал. В командировку. С Яблочкиным. В Стрелковое королевство — о котором сказка пока знает только то, что название оно носит громкое и людей туда набирает, судя по всему, метких.Первый вечер Макса на свободе сказка передаёт со слов очевидцев: Макс передвинул всё. И стремянку, и тележку, и банки — хотя банки не трогал, потому что помнил

про деликатную организацию. А потом встал посреди двора Северной, раскинул руки и сказал солнцу:— Работаю!Вечером в общий чат прилетело сообщение от Графа из Стрелкового королевства:«Макс. Банки на месте? Отвечай подробно».Макс ответил коротко, как отвечает свободный человек:«На месте. Ласково. Всё отлично. Работаю».А в Стрелковом королевстве тем временем Яблочкин поднял голову и сказал Графу фразу, которую страна узнает потом с восторгом:— Граф, а мне тут обещали монеты... Скажи честно: это монеты или оплеуха?И Граф, добрый человек с банками, ответил загадочно:— Посмотрим, как ты себя поведёшь. Ранетка тоже сначала зелёная бывает.И Яблочкин на секунду задумался — хорошая ли это новость. А потом решил, что лучшая, потому что рано или поздно всё созревает. Даже он.(Продолжение следует: в следующей сказке — о том, что за задания ждут послов в Стрелковом королевстве, почему Граф взял с собой одну банку в багаже («для связи с родиной»), и каким боком к этой истории повернётся засекреченный Макс.)

Глава11 О великой пятнице, тайной королеве Бабушке и о том, почему чат в выходные должен молчатьПятница вечером была свята в королевстве Альянс Клининг. Свята, как день выдачи колечек и как час, когда коробочки «Южный Бархат» торжественно вскрывались под ворчание Миколыча.Рабочая неделя кончилась — и королевство разлетелось. Вова с Миколычем уехали в комплекте, как и положено комплекту. Граф в командировке — но и там, говорят, нашёл банку для разговоров по душам. Кузя повёз колечки домой — «про запас», разумеется. Санчо Панчо ушёл в отрыв с Бусей. Юльчик — к мужу, который уже пережил «солнышко моё» и потому не боится ничего. А Гаврила с Василиной — домой, где богатырь храпел так, что соседи приговаривали: «Ну слава богу, неделя кончилась», принимая его душу за сигнал к отдыху всего квартала.А Яблочкин... Яблочкин сидел дома и смотрел на телефон. Так хищник смотрит на добычу. Так поэт — на чистый лист.Ибо впереди были выходные. Длинные. Свободные. И чат — рабочий, но в ночи перестающий быть рабочим — лежал перед ним тёплый, беззащитный и зовущий.И вот теперь — о главной тайне королевства. О той, которую не вынесешь на пересуды, а вынесешь только шёпотом.У королевства есть Королева. Официально — Его Величество. Восемь утра, машина, и по очереди она заезжает на каждое здание — на «Маяк», на «Северную», на «Зарю», на КУ-2. И когда кортеж её свершается, работники выстраиваются, снимают шапки и кланяются до земли — глубоко, искренне, по-королевски.Но тайно... Тайно все зовут её по-доброму — бабушка.Не потому что старая (она ни в коем случае не старая, сказка это подчёркивает трижды), а потому что заботится обо всех, как бабушка: накормит, выслушает, пожалеет — и в обиду не даст. Но и в самовольство — тоже. Бабушка есть бабушка.Важно: она об этом знать не должна. Это обязательный пункт тайны. Санкции за разглашение не описаны ни в одном документе, потому что никто не рискнул их описать.И вот почему чат в выходные должен молчать.Гремела когда-то гроза. Была пятница, вечер, и Яблочкин — уже «чуть-чуть для суставов» — решил, что все выходные принадлежат ему и чату. Начал он с приветствия, продолжил одой, а в полночь задал вопрос, который вошёл в анналы:«коллеги, а если Бабушка узнает, что мы её Бабушкой зовём, она обидится или приберёт к себе крепче? Обсуждаем».Чат умер. Погиб. Тридцать семь человек одновременно перестали дышать. Вова первым делом выключил телефон, как выключают свет при налёте. Миколыч проворчал: «Пиши завещание, поэт». Тётя Зина перекрестилась ведром. А утром выяснилось главное: Королева — читает.И расплата пошла по цепочке, как по королевскому регламенту. Сначала досталось мастеру — за то, что не уследил за чатом и не удалил иероглиф «бабушка» из реальности. Потом досталось Яблочкину — потому что в любом королевстве поэта находят быстрее, чем смысл его од.А потом в чат пришло сообщение от Гаврилы. Короткое, как топор:«Прянкин-Яблочкин. В понедельник. Со всей любовью и нежностью. Вбить в асфальт».И надо вам сказать: Гаврила умеет формулировать. «Со всей любовью» — это не угроза, это формула качества. Богатырь не бьёт по злобе — он вбивает по любви, аккуратно, мягко, чтоб сын человеческий вспоминал асфальт добром. Тётя Зина свидетельствовала: «Мягкий

у него кулак. Как подушка. Просто подушка — в две тонны».И потому с тех пор в королевстве появился ритуал. Пятница вечером Яблочкин сам себе писал правило — трижды, как наказку:В выходные чат молчит.Яблочкин молчит даже если чат молчит неправильноА если очень хочется писать — написать в личный блокнот. Блокнот не пересылает и не будит Королеву.И всю пятницу королевство сидело и молилось — о чём? Правильно. О том, чтобы Яблочкин молчал. Макс написал ему лично: «Прянкин, я тебя умоляю. У меня банки начали с нами разговаривать, мне не до тебя». Вова написал: «Да пошёл ты... в молчание». Василиса Микулична написала самое страшное:«Если в выходные в чате появится хоть один твой иероглиф, Яблочкин, я расскажу Бабушке, кто первым назвал её бабушкой. Это был не я».И Яблочкин, прочитав это, сел. Потому что самая страшная угроза королевства — не кулак Гаврилы, не палка Санчо Панчо и не топор на льду. Самая страшная угроза — это Василиса Микулична Раз уж Буся теперь в сказке — он немедленно занял своё законное место. Вот как это выглядело в бытность:**Кот Буся** — единственное существо в королевстве, перед которым Санчо Панчо стоял по стойке смирно. Кот смотрел на офицера взглядом, от которого тридцать лет службы учат козырять. Гаврила, узнав о Бусе, узаконил её официальным титулом: *«Верная стража моего верного стража»*.По выходным Санчо Панчо уходил не на рыбалку с товарищами, а в строгий военный поход к миске Буси, где докладывал ей о проделанной работе:— Кладовка охраняется. Яблочкин — под присмотром. Палка — в готовности.Буся слушала, жмурилась и давала добро. Никакой я бумажной отчётности королевство не требовало — только мурчание.А однажды Яблочкин, увидев, как гигантский офицер разговаривает с котом, не выдержал и спросил:— Санчо Панчо, а с кем ты говоришь?— С начальством, — ответил страж. — Ты, Яблочкин, начальству тоже в глаза посмотри и повтори свой вопрос.Яблочкин посмотрел. Вопросов больше не задавал.Буся с тех пор входит в сказку на постоянной основе — как и положено: начальство должно быть в сюжете. знает, кого сдать.Всю пятницу ночь чат был пуст. Всю субботу чат был пуст. Яблочкин ходил вокруг телефона, как вокруг клетке с тигром, сочинял в голове оды, гениальные вопросы про полы, окна и Бабушку — и не отправлял. Телефон он спрятал в шкаф, к старым рукавицам. Рукавицы держали морально.В воскресенье вечером в чате появилось единственное сообщение — от Миколыча:«Завтра понедельник. Яблочкин, если читаете — не читайте. Встречайте асфальт. Он вас ждал».А в понедельник утром у кладовки выстроилась редкая картина: вещи Яблочкина стояли в ряд, как на выставке «Достояние, которое вечно ждать». Гаврила стоял рядом — во весь свой рост, с видом «порядок есть порядок». Санчо Панчо стоял сбоку — с той самой палкой, дружески за спиной. Барон выглядывал из будки с надеждой. А Яблочкин... Яблочкин ехал. Впервые в жизни — по расписанию, трезвый и почти торжественный.Он вышел из машины, снял шапку, поклонился кортежу, который как раз подъезжал, — и сказал:— Доброе утро, Ваше Величество.А потом шёпотом, наклонившись к Гавриле:— А бабушка сегодня какая-то весёлая, да?Гаврила посмотрел на него. Долго. Как смотрят на гения, которого надо вбивать в асфальт во имя королевства.— Понедельник, — сказал он и начал разминать кулак.Чат, к счастью, этого не увидел. А если бы увидел — поставил бы Яблочкину единственный лайк. Посмертно.(Продолжение следует: чем кончился понедельник, услышал ли асфальт слово «любовь», и как Яблочкин впервые за всю сказку попадёт в очень почётное место — в рекомендации сотрудника месяца. Правда, в разделе «персональные достижения».)

Раз уж Буся теперь в сказке — он немедленно занял своё законное место. Вот как это выглядело в бытность:**Кот Буся** — единственное существо в королевстве, перед которым Санчо Панчо стоял по стойке смирно. Кот смотрел на офицера взглядом, от которого тридцать лет службы учат козырять. Гаврила, узнав о Бусе, узаконил её официальным титулом: *«Верная стража моего верного стража»*.По выходным Санчо Панчо уходил не на рыбалку с товарищами, а в строгий военный поход к миске Буси, где докладывал ей о проделанной работе:— Кладовка охраняется. Яблочкин — под присмотром. Палка — в готовности.Буся

слушала, жмурилась и давала добро. Никакой я бумажной отчётности королевство не требовало — только мурчание.А однажды Яблочкин, увидев, как гигантский офицер разговаривает с котом, не выдержал и спросил:— Санчо Панчо, а с кем ты говоришь?— С начальством, — ответил страж. — Ты, Яблочкин, начальству тоже в глаза посмотри и повтори свой вопрос.Яблочкин посмотрел. Вопросов больше не задавал.Буся с тех пор входит в сказку на постоянной основе — как и положено: начальство должно быть в сюжете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.